

Петросян Мария Сергеевна

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ДЕРЕВА В СТИХОТВОРЕНИЯХ Д. Г. ЛОУРЕНСА "РАДОСТЬ ОДИНОЧЕСТВА" ("DELIGHT OF BEING ALONE") И "КОРО" ("COROT")

Статья посвящена важному аспекту поэзии Дэвида Герберта Лоуренса - теме природы, в частности, значимому ее элементу - интерпретации образа дерева. Материалом послужили два стихотворения Лоуренса: "Радость одиночества" ("Delight of Being Alone") и "Коро" ("Corot"), - в которых в достаточной степени представлены основные тенденции интерпретации образа дерева, а также освещения темы природы в творчестве поэта вообще. Обозначаются два основных мотива природной лирики Лоуренса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 25-28. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Александров Л. Г. Композиционная структура художественно-философского текста в Позднем Средневековье: «Божественная комедия» Данте [Электронный ресурс] // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2008. № 3-4. С. 86-92. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18754207&> (дата обращения: 25.06.2017).
2. Асоян А. А. Данте и русская литература: автореф. ... д. филол. н. М., 1992. 25 с.
3. Беднова Е. В. Дантовская традиция и христианский контекст романного творчества Ю. Н. Вознесенской [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22878623> (дата обращения: 20.07.2017).
4. Вознесенская Ю. Н. Мои посмертные приключения. М.: Эксмо; Яуза; Лепта-Пресс, 2006. 94 с.
5. Голенищев-Кутузов И. Н. Данте в России // Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. С. 454-486.
6. Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад / пер. с ит. М. Л. Лозинского // Данте Алигьери. Собрание сочинений: в 5-ти т. СПб.: ТЕРРА – Азбука, 1995. Т. 1. С. 34-72.
7. Данте Алигьери. Божественная комедия: Чистилище / пер. с ит. М. Л. Лозинского // Данте Алигьери. Собрание сочинений: в 5-ти т. СПб.: ТЕРРА – Азбука, 1995. Т. 2.
8. Назаров В. Н. Аллегорический смысл ада в «Божественной комедии» Данте [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23604044> (дата обращения: 20.07.2017).
9. Ничипоров И. Б. «Мои посмертные приключения» Юлии Вознесенской как современная повесть-притча [Электронный ресурс]. URL: <http://refy.ru/52/201642-moi-posmertnye-priklucheniya-yulii-voznnesenskoj-kak-sovremennaya-rovest-pritcha.html> (дата обращения: 22.08.2017).
10. Прп. Макарий Александрийский. Извлечение из слова об исходе душ праведников и грешников [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Aleksandrijskij/slovo-ob-iskhode-dush-pravednikov-i-greshnikov (дата обращения: 23.08.2017).

**THE SPECIFICITY OF DANTE'S TRADITION REFRACTION
IN J. N. VOZNESENSKAYA'S SHORT NOVEL-PARABLE "MY POSTHUMOUS ADVENTURES"**

Osmukhina Ol'ga Yur'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Beloglazova Ekaterina Aleksandrovna
Ogarev Mordovia State University, Saransk
osmukhina@inbox.ru; dantedix@mail.ru

The article deals with the reception of Dante's tradition in portraying the afterlife world in the works of J. Voznesenskaya. It is ascertained that like the autohero in "The Divine Comedy", who makes the journey in the afterlife world and finds the highest wisdom, the heroine of Voznesenskaya's short novel comes to God having cleansed her soul. In Voznesenskaya's short novel the three-part afterlife world is like Dante's Hell, Purgatory and Paradise; the heroine has guides similar to Virgil and Beatrice. Despite formal similarities, while remaining within the Orthodox paradigm, Voznesenskaya makes her heroine travel the opposite way – from Heaven to Hell; and the symbol of pure love is not a beloved person like Dante's Beatrice, but God himself.

Key words and phrases: Dante; J. Voznesenskaya; Dante's tradition; short novel; Orthodox prose.

УДК 821.111

Статья посвящена важному аспекту поэзии Дэвида Герберта Лоуренса – теме природы, в частности, значимому ее элементу – интерпретации образа дерева. Материалом послужили два стихотворения Лоуренса: «Радость одиночества» ("Delight of Being Alone") и «Коро» ("Corot"), – в которых в достаточной степени представлены основные тенденции интерпретации образа дерева, а также освещения темы природы в творчестве поэта вообще. Обозначаются два основных мотива природной лирики Лоуренса.

Ключевые слова и фразы: поэзия; Дэвид Герберт Лоуренс; имажизм; природа; образ дерева; Иггдрасиль.

Петросян Мария Сергеевна

Московский педагогический государственный университет
maria.petrosyan@mail.ru

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ДЕРЕВА В СТИХОТВОРЕНИЯХ Д. Г. ЛОУРЕНСА
«РАДОСТЬ ОДИНОЧЕСТВА» ("DELIGHT OF BEING ALONE") И «КОРО» ("COROT")**

Природный мир нередко становится объектом поэтического творчества. Для английской литературы природные образы являются неотъемлемой особенностью поэзии. Дэвид Герберт Лоуренс, являясь наследником многих поэтических английских традиций, а также в немалой степени относясь к поэтическому течению имажистов, часто обращался к теме природы, использовал разные природные образы для отражения своих философских взглядов. Каждый природный объект в интерпретации Лоуренса несет в себе определенный философский посыл. Так, интересным для анализа является образ дерева, достаточно широко представленный и в поэтическом, и в прозаическом творчестве автора.

Современники Д. Г. Лоуренса в своих воспоминаниях часто отмечают некую его отчужденность от других людей, указывают на то, что автор был по натуре своей одиноким человеком. Это обуславливалось, очевидно, внутренним осознанием поэтом его гения. Как человек Лоуренс в определенной степени страдал от вынужденного одиночества, на которое его обрекал дар. Как поэт он находил в нем широкие возможности постижения мира. Этот мотив прослеживается, например, в стихотворении “Delight of Being Alone” («Радость одиночества»), в котором поэт сразу же заявляет, что не знает большей радости, чем одиночество. Лишь в уединении он получает возможность соединиться с мировым спокойствием и тишиной:

*It makes me realise the delicious pleasure of the moon
that she has in travelling by herself: throughout time [5, p. 610]... /
...я могу постигать чистую радость луны,
путешествующей одиноко – сквозь время [4, с. 294]...*

Образ луны отражает круговорот времени, его бесконечность. Возникает мотив ночи – тихого, спокойного времени постижения тайн. Кроме того, возникает типичный для поэта мотив темного пространства, в котором он находит глубину и богатство мирового знания.

*...or the splendid growing of an ash-tree
alone, on a hillside in the north, humming in the wind [5, p. 610]. /
...или величие ясеня на северном склоне холма,
где он стоит, одинокий, шурия под ветром [4, с. 294].*

Образ ясеня появляется неслучайно, именно это дерево во многих северных мифологиях является «мировым деревом». Так, в сборнике скандинавских песен «Старшая Эдда» в первой песне, «Прорицание вельвы», звучит название гигантского ясеня – Иггдрасиль:

*19 Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,
древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.*

*20 Мудрые девы
оттуда возникли,
три из ключа
под деревом высоким;
Урд имя первой,
вторая Верданди, –
резали руны, –
Скульд имя третьей;
судьбы судили,
жизнь выбирали
детям людей,
жребий готовят [1, с. 209].*

Иггдрасиль является одним из основополагающих элементов скандинавской мифологии. По преданиям, это дерево жизни и судьбы, ветви которого «раскинуты над всем миром и кладут ему предел в пространстве» [Там же, с. 762]. Иггдрасиль соединяет три мира: небесный, земной и подземный, тем самым образуя «вертикальную проекцию» всего мирового пространства. Согласно «Старшей Эдде», у корней дерева течет источник Урд, что значит «судьба», являющийся очевидной метафорой человеческой жизни, текущей так же стремительно и неумолимо. Возле Иггдрасиля живут три норны (скандинавские волшебницы), плетущие нити человеческой судьбы: Урд – судьба, Верданди – становление и Скульд – долг, – являющиеся олицетворением прошлого, настоящего и будущего. «Мировое дерево» живет за счет воды из источника судьбы, а следят за этим три хранительницы судьбы. Кроме того, под одним из корней Иггдрасиля течет источник мудрости, и верховный скандинавский бог Один добровольно пожертвовал глазом, чтобы выпить из этого источника и познать мудрость. Таким образом, ясень в сознании северных народов – это не просто дерево, а символический портал из одного мира в другой, само единение неба и земли, символ жизни и мудрости.

Подобный контекст принципиально важен для понимания образа ясеня в стихотворении Лоуренса. Находясь в одиночестве, герой не просто познает гармонию природы, а постигает мудрость мира, приобретает к тайнам мироздания. В определенной степени «мировой ясень» является олицетворением всей истории, носителем архаичных знаний. Поток ветра, заставляющий древнейшее дерево шелестеть листьями, как дуновение новой жизни, утверждает ее непрерывность и бесконечность. И постичь все эти тайны Лоуренс считал возможным лишь наедине с самим собой или в единстве с природой.

Одним из наиболее выразительных пейзажных стихотворений в творчестве Лоуренса является стихотворение «Коро» (“Cogot”), названное в честь известного французского пейзажиста Жана Батиста Камиля Коро (1796-1875). В стихотворении возникает распространенный у поэта мотив зарождающегося дня:

*The trees rise taller and taller, lifted
On a subtle rush of cool grey flame
That issuing out of the east has sifted
The spirit from each leaf's frame [5, p. 68]... /
Деревья к небу тянутся все выше –
В прохладно-серых завитках зари
Их тонкий дух, как через сито,
Рассветом напитал листы [3]...*

Характерный для художественного творчества Коро серый цвет здесь служит для создания картины раннего утра, в котором только пробивается солнечный свет, приходящий, что очевидно, с востока, как и указывает поэт. С первых же строк определяются два основных идейных поля стихотворения: природа, воплощенная деревьями и листьями, а также связанная с ней, растворяющаяся в ней неземная сила, обозначенная пока словом “spirit” («дух»). Эти два поля, переплетаясь, объединяются, что формулирует основной посыл стихотворения: природа одухотворена и несет в себе жизненную энергию, что поддерживается и распространяется в следующих строках:

*The grey, plasm-limpid, pellucid advance
Of the luminous purpose of Life shines out
Where lofty trees athwart-stream chance
To shake flakes of its shadow about [5, p. 68]... /
Сиянье серое, лучистое как фосфор,
Спускает божий замысел с небес,
И разбивают кроны яркое свечение
На тысячу свечей в ответ [3]...*

Вновь возникающий серый цвет, ставший в стихотворении цветом неземной наполненности и присутствия одухотворенного смысла, дополняется другими цветовыми эпитетами, которые подчеркивают неуловимость и потусторонность распространяемого света, который в стихотворении является «светящейся целью Жизни» (“the luminous purpose of Life”). Этот жизненный свет, ниспадая на деревья, проникает сквозь листву, создавая игру света и тени, описанную автором в метафоре сбрасывания хлопьев. Свет как будто рассеивается в природе, заполняет ее и оживляет, оставаясь в ней.

«Жизнь», написанная с прописной буквы, вполне очевидно, указывает не на обыденную земную жизнь, а на жизнь вечную, ту философскую категорию, которую неразрывно связывают с присутствием Бога. В этом контексте очень чутко улавливает авторские послылы при переводе Виктор Постников. Переводчик вполне конкретно указывает на божественность проливающегося света, что, впрочем, не отрицает и автор в оригинале, лишь с тем отличием, что само слово «Бог» у него не указывается. В свете особенностей творчества Лоуренса это понятно, автор внимательно и осторожно относится к этому слову в произведениях. В. Постников же упрощает восприятие самого образа, однако распространяет божественную метафору дальше: рассеивающийся свет превращается в тысячу свечей, то есть создается дополнительная «околобожественная» картина, главным атрибутом которой является свеча, в христианской традиции ассоциирующаяся с Богом, с божественным светом и теплом.

Воздушно-световой поток, обозначенный переводчиком однозначно божественной силой, в оригинале получает еще одно длинное описательное название: «тонкий, упорный поток серого пенного тумана движущегося Времени» (“the subtle, steady rush of the whole grey foam-mist of advancing Time”). Философская категория Времени вновь употребляется с заглавной буквы, что связывает ее с понятием Жизни в начале стихотворения. Этот животворящий поток света зарождающегося дня одухотворяет все вокруг и чувствуется во всем окружающем:

*Is heard in the windless whisper of leaves,
In the silent labours of men in the field,
In the downward-dropping of flimsy sheaves
Of cloud the rain-skies yield [5, p. 68]... /
Он слышен в шепоте беседующих листьев,
В молчаньи тех, кто трудится в полях,
В беззвучном зависаньи облака над крышей,
И в шумном ливне на лугах [3]...*

Не только природа, но и люди вовлечены в этот живительный процесс. Жизнь чувствуется везде, природа приняла ее, пропиталась ею, и теперь все вокруг приобретает важность, особый смысл. Бог, свет, Жизнь во всем, куда может упасть взгляд, во всем, что может воспринять слух. А воспринимает он главным образом тишину: «безветренный шепот листьев», «молчаливый труд людей на поле». Практически отсутствие звука соединяется с практически отсутствием цвета в палитре стихотворения: серый, прозрачный, тусклый – такие

эпитеты использует автор. Подобная «скудость» звуковых и зрительных эффектов показывает естественность и повседневную простоту картины просыпающейся природы. Молчание возникает и в финале стихотворения:

*Ah listen, for silence is not lonely!
Imitate the magnificent trees
That speak no word of their rapture, but only
Breathe largely the luminous breeze [5, p. 68]. /
Послушайте, нет равнодушия в Природе!
Учитесь у деревьев жить –
Они молчат, но дышат светом божьим,
Ведь мы могли бы так же жить [3].*

Призыв прислушаться к молчанию создает мотив невыразимого: знание истины, разгадка всех тайн хранится в нем. То, что не способен осознать человеческий разум, сохраняется в природе, именно поэтому необходимо «слушать» эту тишину и «подражать» деревьям, то есть учиться у них мудрости.

В последней строфе стихотворения Лоуренса прослеживается аллюзия к стихотворению английского поэта-романтика Уильяма Вордсворта «Все наоборот» (“The Tables Turned”), в котором поэт взывает к людям искать мудрость не в книгах, они бесполезны (“Books! ‘tis a dull and endless strife...” / «Книги! Это скучный и бесконечный спор...»), а в окружающей природе:

*Come forth into the light of things,
Let Nature be your teacher [7, p. 361]... /
Там просветишься без труда:
Природа – лучший твой учитель [2, с. 151]...*

Вордсворт употребляет слово «учитель», конкретно указывая на то, что человеку необходимо учиться, получить некое жизненное знание, дать которое может только природа:

*One impulse from a vernal wood
May teach you more of man [6, p. 361]... /
Один порыв свежего дерева
Может научить тебя больше, чем человек [2, с. 151]...*

Природа существовала задолго до нас и сохранится после, а люди и написанные ими книги не имеют такой силы. Эта же идея о необходимости ощутить, осознать свою связь с природой, принять от нее все мудрое, вечные знания присутствует и в стихотворении «Коро».

Д. Г. Лоуренс, во многом продолжая традицию своих английских предшественников в наделении природных образов вечными, мировыми знаниями, тем не менее привносит в их интерпретацию характерные для его творчества философские взгляды. Образ дерева в поэзии Лоуренса является отражением его внутреннего мира: мира человека одинокого, ищущего уединения и спокойствия. В стихотворениях «Радость одиночества» и «Коро» очень ярко представлены основные особенности поэзии Лоуренса в изображении природных образов, в частности, образа дерева. Так, во-первых, по мнению автора, лишь в природе, наедине с ней человек способен быть свободным и счастливым, именно поэтому он осознанно обрекает себя на одиночество, в котором получает возможность слиться с природой и обрести гармонию. Во-вторых, природа в художественном мире Лоуренса – мудрый учитель, у которого человек должен получать знания, к которому должен приглядываться и прислушиваться.

Список источников

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 2014. 864 с.
2. Вордсворт У. Волшебный дом. М., 2015. 256 с.
3. Лоуренс Д. Г. Коро [Электронный ресурс] / пер. В. Постникова. URL: www.stihi.ru/2011/09/01/4619 (дата обращения: 14.06.2017).
4. Лоуренс Д. Г. Счастье быть одному // Лоуренс Д. Г. Меня никто не любит. М., 2011.
5. Lawrence D. H. The Complete Poems of D. H. Lawrence: in 2 vol. L., 1972. Vol. 1. 665 p.
6. Lawrence D. H. The Complete Poems of D. H. Lawrence: in 2 vol. L., 1972. Vol. 2. 1230 p.
7. Wordsworth W. The Poems of William Wordsworth. L., 1958. 678 p.

INTERPRETATION OF TREE IMAGE IN THE POEMS BY D. H. LAWRENCE “DELIGHT OF BEING ALONE” AND “COROT”

Petrosyan Mariya Sergeevna
Moscow State University of Education
mariya.petrosyan@mail.ru

The article is devoted to the important aspect of David Herbert Lawrence’s poetry – the theme of nature, in particular, its meaningful element – interpretation of the tree image. The research is based on two poems, “Delight of Being Alone” and “Corot”, which represent clearly the key tendencies of interpreting the tree image and developing the theme of nature in poet’s creative work. The paper identifies two basic motives of Lawrence’s nature lyrics.

Key words and phrases: poetry; David Herbert Lawrence; imagism; nature; tree image; Yggdrasil.